

АНТРОПОЛОГИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

Вероника Рацеева

студентка IV курса факультета Гуманитарных Технологий
университета Высшая Антропологическая Школа

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕХАНИЗМА
СМЕНЫ МИРОСИСТЕМ**

Rateeva V. Methodological and Theoretical Aspects of Studying Mechanisms of Changing World Systems.

The author makes a profound historiographic inquiry into the core of a very topical scientific problem of the phenomenon of transition from one socio-cultural entity to another. Analyzing different aspects of a number of humanitarian theories she points out identical methodological directions used by the researchers and converts their allegedly different scientific agendas into a common terminological base.

При попытке обнаружения порога между двумя системами исследователь неизбежно сталкивается с рядом вопросов, без ответа на которые эффективное решение проблемы порога принципиально невозможно. В первую очередь это вопрос о характере перехода от одной системы к другой, а в частности вопрос о природе его динамики.

Является ли переход резким, скачкообразным или происходит постепенно? Можно ли четко проследить эволюцию перехода системы из одного состояния в другое либо на каком-то из этапов ее развития происходит рывок, приводящий к качественно новому состоянию, новой структуре. Каков характер связи между двумя исследуемыми системами: является ли последующая продуктом предыдущей или точный механизм «наследования» обнаружить не удастся по причине наличия смысловой лакуны между ними?

В каких случаях эволюция исключает факт «новизны», предположительно свойственный лишь революционным процессам?

И соответственно, в каком случае можно и нужно говорить о пороге, а когда попытки установить его заведомо обречены на провал?

В историографии существует целый ряд теорий, предполагающих существование при-

чинно-следственных связей между уровнем развития сменяющейся системы и динамикой самого процесса ее смены. Каждый исследователь решает вопрос «перехода» по своему, используя наиболее адекватный для предмета его исследования фактический материал.

При этом вопрос «порога» и «порогового смысла» можно считать универсальным, а рассмотренные исследователями системы условно принять как однопорядковые (все рассмотренные в этой статье системы «открытые», а значит, при исследовании каждой из них можно использовать описанный в методологической части работы системный подход постнеклассической науки).

Одна из довольно оригинальных концепций смены культур решает вопрос перехода следующим образом.

Подробно проанализировав этическую составляющую культуры, В. Лефевр пришел к выводу, что существует два типа этических систем: «первая» — где добро и зло четко различаются, добро не пользуется средствами зла и поэтому стремится не к победе над ним, а к компромиссу; «вторая» — где «добро должно быть с кулаками», проникнутая нетерпимостью (Лефевр 2002: 24-26).

Однако М.Е. Ткачук поправляет Лефевра: различие это относительно, в любой паре срав-

ниваемых культур одна будет относиться к «первой» системе, другая — ко «второй». Более того, внутри любой культуры обе системы соответствуют разным фазам развития: «вторая» (бескомпромиссная) — ранней фазе, творческому взрыву; «первая» — примиренческая — поздней, стабильной и упадочной фазе. Получается, что переход от «второй» системы к «первой» происходит естественным плавным эволюционным путем (тем самым обеспечивая системе целостность и структурный континуитет) (и при этом неизбежен), обратный же переход — равнозначен гибели старой культуры, но и рождению на ее месте новой. В этом и заключен источник смены культур (Ткачук 1996: 138-145).

Нетрудно заметить, что по логике Лефевра получается, что переход от «второй» этической системы к «первой» — неизбежное событие в жизни любой культуры, своеобразная аксиома развития, отражающая направленность эволюции.

Любая система, начиная свою жизнь с взрыва и состояния далекого от объективного равновесия, по мере своего существования постепенно (!) утрачивает свой «взрывной» характер — изживает животворящую энтропию. При этом, непрерывность и поступательность этого процесса обеспечивают системе внутреннюю целостность и структурный континуитет. Следовательно, в этом случае мы имеем дело лишь с трансформациями, не выходящими за пределы одной системы.

В другом случае, т.е. в случае перехода от «первой» системы ко «второй», изменяющаяся структура терпит крах — нарушается ее эволюционная целостность и механизм взаимодействия ее подструктур, что неизбежно приводит к смерти. И в этой ситуации процесс перехода предстает перед нами не в виде череды постепенно разворачивающихся метаморфоз внутри одной системы, а как резкий скачок от одной системы к другой, между которыми закономерно сохраняется невосполнимая смысловая (и структурная) лакуна, образующая своеобразный водораздел между двумя самостоятельными системами.

Еще одну концепцию взаимозависимости характера перехода и типа культуры, к которой принадлежит исследуемая система, предложил Лотман.

В своей работе «Культура и взрыв» он описывает т.н. «бинарные» и «тернарные» культуры. Критерий деления культур у Лотмана частично схож с критерием, использованным в концепции Лефевра. И в одном, и в другом случае классификация основана на ис-

поведуемых в системах морально-этических принципах.

По словам Лотмана, «бинарная» структура подразумевает деление всего в мире на положительное и отрицательное, на греховное и святое, на национальное и искусственно привнесенное и на ряд других аналогичных противопоставлений.

«Она встречается уже в средневековой культуре с резким разделением мира на мир греха и мир святости с отрицанием «среднего» — не греховного, не святого, а нейтрального пласта. С этим связано представление о том, что мир лежит в грехе, и обязательное предсмертное извлечение себя из мира — предсмертный постриг» (Лотман 1992: 81-86). Кроме того, в таких системах бытует представление о том, что «средний» пласт — «не горячий и не холодный» — есть фактически греховный пласт.

Тернарная модель, в свою очередь, включает мир зла, мир добра и мир, который не имеет однозначной моральной оценки и характеризуется признаком *существования*. Он оправдан самим фактом своего бытия. Такая модель создает возможность оправдания жизнью и вносит, рядом с религиозно-этической оценкой нравственности, ее эстетическую и философскую оценку, представление о том, что бытие нравственно по своей природе, а зло есть отклонение от природы бытия (Лотман 1992: 81-86).

С определенными оговорками, между классификациями Лефевра и Лотмана можно провести параллель. «Второй» (бескомпромиссной) системе Лефевра соответствует бинарная структура Лотмана, а «первой» (примиренческой) — тернарная.

Уместность проведенной аналогии подтверждается схожим алгоритмом смены структур, описанным Лотманом.

Согласно его концепции, переход от бинарной (второй) культуры к тернарной (первой) нормален, прогнозируем и эволюционен. Обратный же переход катастрофичен и имеет взрывной характер.

Применяя вышеописанный подход к анализу конкретной исторической действительности, Лотман приводит в подтверждение своей теории следующий пример: «Теоретики марксизма писали, что переход от капитализма к социализму неизбежно будет иметь характер взрыва. Это обосновывалось тем, что все другие формации зарождались в рамках предшествующих этапов, между тем, как социализм начинает совершенно новый период, и зарождение его возможно лишь на развалинах, а не в лоне предшествующей ис-

тории. Однако происходила любопытная передержка: примеры созревания новой структуры в недрах старой черпались из истории, выросшей на пространстве Римской империи (где исторически преобладают характеристики тернарной системы — прим. мое — В.Р.) и ее культурных наследников, а теория социализма «в одной отдельно взятой стране» аргументировалась фактами русской истории настоящего века, то есть истории с отчетливо бинарным самоосмыслением» (Лотман 1992).

Таким образом, следуя логике Лотмана, можно сделать вывод о том, что прогнозика относительно путей и форм развития структуры зависит от ее социокультурного типа: (в данном случае по Лотману) ее бинарности или тернарности. Бинарной культуре всегда будут соответствовать взрывы, тернарной — постепенный переход от одного состояния к другому.

Кроме классификации культур, Лотман предлагает и свое видение мира явлений, которые, по его мнению, можно условно поделить на те, что описываются «нарицательными именами» и те, для которых характерны «имена собственные».

«Мир нарицательных имен тяготеет к процессам постепенного развития, что неразрывно связано с взаимозаменяемостью его элементов» (т.е. структура остается структурой вне зависимости от того, какой конкретный феномен она описывает — прим. мое — В.Р.) «Пространство собственных имен — пространство взрыва. Не случайно исторически взрывные эпохи выбрасывают на поверхность «великих людей», т.е. актуализируют мир собственных имен» (Лотман 1992: 119). Таким же образом, как в теории Лефевра, по мере жизни системы иссякает ее взрывной запал, усредняется и «коэффициент гениальности» ее представителей.

В свою очередь, авторитетный американский социолог Элвин Тоффлер предлагает другую точку зрения на процесс перехода от одной социо-культурной системы к другой.

В своей «теории волн» он рассматривает весь ход истории как процесс эволюции постепенно сменяющих друг друга волн цивилизации. По мнению Тоффлера, до сегодняшнего дня человечеству довелось наблюдать 3 волны, накат каждой из которых являл собой эпохальную веху в жизни человечества.

В отличие от авторов теорий, рассмотренных выше, Тоффлер выбрал в качестве критерия для выделения «волн» и установления хронологии их смены технологическую ком-

поненту общественной эволюции. Идеиная подоплека «волновой теории» Тоффлера — продолжение научных традиций популярных в 70-е годы социологов — адептов теории постиндустриализма — Белла и Бжезинского. Державная нить этой социологии — развитие техники и ее роль в преобразении социальных процессов (Гуревич в предисловии к Тоффлеру). Таким образом, согласно концепции Тоффлера, всю глобальную историю цивилизации можно представить как процесс последовательного господства аграрной, индустриальной и постиндустриальной волн соответственно.

Отдельную часть своей теории Тоффлер посвятил механизму смены волн. Описывая процесс столкновения волн, Тоффлер сразу же оговаривается, что невозможно четко определить момент смены одной цивилизации (каждую из волн он приравнивает именно к цивилизации) другой, так как господство той или иной из них в первую очередь основывается на доминировании присущих ей признаков, а не на полном выталкивании предшествующей модели.

Так, в частности, даже во времена общепризнанного доминирования индустриальной цивилизации мы находим реликты аграрных обществ и зачатки цивилизации будущего.

Таким образом, Тоффлер указывает на то, что процесс столкновения волн — достаточно долговременный (из приведенных ниже признаков переворота мы увидим, что серьезной трансформации подвергается «социосфера» — семейные и культурные отношения, на «перестройку» которых уходит не одно поколение); глобальный но не повсеместный (по крайней мере на примере тех волн, данными о которых мы на сегодняшний день располагаем).

Однако, логично предположить, что с каждой новой волной процесс «обращения человечества в новую веру» будет проходить быстрее и все менее болезненно, что связано с постепенным включением всего земного шара в глобальное информационное, экономическое и отчасти культурное пространство и постоянным повышением мобильности человеческой психики и сознания.

И все же, по мнению Тоффлера смена одной волны другой — объективный факт, а значит, существует возможность более-менее объективной попытки «засечь» этот момент смены. Судя из дискурса изложения материала, касательно столкновения 1 и 2 волн (рубеж между которыми Тоффлер локализует в районе 1650-1750 гг.), можно сделать

вывод, что, в принципе, автор позиционирует свою модель как универсальный алгоритм смены цивилизационных волн. Однако, на мой взгляд, некоторые из выделенных им параметров изменений, достоверно описывающих наступление индустриализации, не применимы к рассмотрению процесса столкновения 2 и 3 волн, либо применимы с существенными поправками.

Итак, описывая столкновение волн, Тоффлер предлагает подвергнуть анализу ряд параметров, значительное изменение которых, по его мнению, может свидетельствовать о серьезных подвижках в действующей цивилизационной системе. Среди параметров, изменение которых свидетельствует о «перестройке» системы, Тоффлер называет следующие:

- основные источники энергии;
- основные технологии производства;
- способ организации производства;
- система распределения ресурсов;
- структура семьи;
- организация системы образования;
- система коммуникации.

А если за определенный отрезок времени изменениям подвергается большинство из этих признаков, то, скорее всего, речь идет о моменте столкновения волн.

Авторы вышеописанных теорий — представители самых различных научных школ и дисциплин, однако в своих разработках они руководствуются одной и той же посылкой: представлением о существовании определенного универсального механизма смены между двумя социокультурными макросистемами. Из созданных ими теоретических конструкций следует, что существует некий единый алгоритм, единый сценарий трансформаций, разворачивающихся при переходе от одной системы к другой.

В каждой из проанализированных теорий априори предполагается наличие у каждой из рассматриваемых систем таких качеств как открытость и предельность, что в методологическом аспекте сближает положения этих теорий с законами синергетики.

На мой взгляд, вышеописанные закономерности вкупе с некоторыми законами экономического развития (в частности теорией экономической цикличности Н. Кондратьева) могут стать очень плодотворной методологической базой для изучения конкретной исторической действительности и внести существенный вклад в теоретические разработки школы миросистемного анализа.

Литература

- Лефевр В.А. 2002. Стратегические решения и мораль, Рефлексивные процессы и управление. Т. 2. №1 / http://www.reflexion.ru/Library/Lefebvre_2002_1.htm
- Ткачук М. 1996. Археология свободы: опыт критичес-

- кой теории. Кишинёв.
- Лотман Ю.М. 1992. Культура и взрыв. М.: Гнозис.
- Гуревич П.С. 1999. А волны истории плещут (новая конфигурация будущего). М.: АСТ.
- Тоффлер Э. 1999. Третья волна. М.